

— Динь! Внимание! Обнаружена повышенная концентрация легковоспламеняющихся веществ в воздухе. Просьба к пользователю проявить осторожность.

Шэнь Цинжань с силой оттолкнул от себя Сюэ Фэйфэна, который как раз целовал его. Раздосадованный генерал не удержался и в отместку слегка прикусил его за губу.

— С-с-с... Зачем кусаешься?!

Они сидели прямо на улице: один на земле, другой на корточках. Целоваться вот так, у всех на виду, и так было стыдно до смерти! Шэнь Цинжань сердито зыркнул на Сюэ Фэйфэна:

— Быстро отдай приказ! Полный запрет на огонь во всем городе!

Сюэ Фэйфэн, не задавая лишних вопросов, тут же гаркнул:

— Чан Бай, исполнять!

— Слушаюсь, господин!

— В чем дело? — спросил Сюэ Фэйфэн, помогая Шэнь Цинжаню подняться.

— Об этом стоит спросить у генерала Линь Шуня. Могу поспорить, он в тайном сговоре с Шань Вэньяо: они планировали поджечь новую столицу. Хотели бросить город и запереть вас здесь в огненной ловушке.

Они собирались сжечь дотла не только армию Сюэ Фэйфэна, но и десятки тысяч невинных горожан.

Так не доставайся же ты никому.

Какое безумие!

Шань Вэньяо и Линь Шунь сейчас были без сознания, но кто знает, может, приказ о поджоге уже отдан. Исполнители могли прятаться в любой подворотне, выжидая удобного момента.

Сюэ Фэйфэн нахмурился. Ветер крепчал, и он тоже уловил едва заметный запах горючего масла.

— Половина армии немедленно отступает за городские стены и воссоединяется с основными силами для подготовки к возвращению в старую столицу. Оставшиеся солдаты вместе с горожанами немедленно приступают к прочесыванию города. Все подозрительные предметы, пропитанные маслом, всё, что может стать причиной пожара, — немедленно сбрасывать в озеро. Все чаны и бочки до краев наполнить водой, быть в полной готовности!

Шэнь Цинжань окликнул заместителя генерала, который уже собрался бежать выполнять приказ:

— Пожалуйста, вынесите Шань Вэньяо и Линь Шуня и провезите их по улицам! Громко объявите, что мятежники схвачены! Это отпугнет их прихвостней, пока мы не закончим зачистку.

— Слушаюсь, госпожа! — гаркнул заместитель так громко, что уши заложило. Казалось, он изо всех сил старался выслужиться перед женой командира.

— Спасибо за службу.

— Рад служить! — браво отрапортовал офицер и умчался, начисто забыв о стоящем рядом генерале.

Шэнь Цинжань:

— Пойдем, посмотрим, как идут дела.

Сюэ Фэйфэн перехватил его руку:

— Слушаюсь, госпожа.

У Шэнь Цинжана тут же вспыхнули уши:

— Не повторяй за ними!

— А как же мне тогда называть свою жену? — Сюэ Фэйфэн склонился к самому уху Шэнь Цинжана. Его горячее дыхание коснулось нежной мочки, и генерал с удовольствием наблюдал, как та наливается густым пунцовым цветом, словно сейчас капнет кровью.

Шэнь Цинжань вспыхнул от негодования и смущения:

— Мы еще не поженились, так что мы с тобой, считай, едва знакомы! Зови меня просто по имени!

— Ну, кое-какие места на теле Шэнь Цинжана мне, генералу, и впрямь еще не довелось изучить, тут ты прав.

Шэнь Цинжань: «...» И когда это Сюэ Фэйфэн успел превратиться в такого бесстыдника?!

Выходить замуж за такого — затея крайне рискованная.

— Моя мама говорила, чтобы я не связывался с бесстыдниками, — пригрозил Шэнь Цинжань.

— Выходить замуж надо за честного и порядочного человека. Например, такого, как мой папа.

Сюэ Фэйфэн:

— Только попробуй пойти на попятную, и я женюсь на тебе прямо сегодня!

— Вот уж точно бесстыдник, — усмехнулся Шэнь Цинжань. Ну, сегодня так сегодня, почему бы и нет.

В ходе обысков выяснилось, что многие деревянные постройки были щедро облиты маслом и крепким вином. Особенно сложная ситуация была на складах: там всё было завалено товарами, запахи смешались, и просто выкинуть всё подозрительное было нереально.

Шэнь Цинжань мысленно обратился к Системе:

— У тебя есть бактерии, расщепляющие горючее масло и серу?

Система покопалась в базах:

— Есть.

Шэнь Цинжань прижал палец к центральной несущей колонне и выпустил целую колонию нужных бактерий. Он зевнул, на глазах выступили слезы, и сквозь эту пелену он вдруг заметил в щели бревна копошащихся белых термитов.

Он в ужасе отдернул руку и схватился за рукав Сюэ Фэйфэна:

— Помоги мне их поймать! Они съедобные!

— Проголодался? — Сюэ Фэйфэн незаметно приобнял Шэнь Цинжаня и отступил на шаг. — Во дворце я прикажу императорским поварам приготовить тебе всё, что захочешь. Чан Бай докладывал, что пятеро поваров целы и невредимы, они вмиг накроют нам целый стол.

Шэнь Цинжань не знал, плакать ему или смеяться. Он указал на кожаный бурдюк на поясе генерала:

— Это не для меня, это для них! Приношу подношение своим спасителям.

Термиты — излюбленное лакомство муравьев матабеле.

Великому генералу ничего не оставалось, кроме как отломить тонкую бамбуковую веточку, размочалить её кончик, соорудив подобие крошечной кисточки, и аккуратно выметать термитов из щелей. Легким импульсом внутренней энергии ци он оглушал их, и белые букашки дождем сыпались на пол.

Его сосредоточенный профиль был настолько красив, что, глядя на него, можно было забыть даже о мерзости термитов.

Шэнь Цинжань свернул кулек из бумаги, собрал насекомых с пола и высыпал угощение в бурдюк. Муравьи матабеле, получив еду, радостно захрустели жвалами, пируя на славу. Шэнь Цинжань поспешно повесил бурдюк обратно на пояс Сюэ Фэйфэна.

Генерал не возражал: в конце концов, эти муравьи спасли жизнь его Жань-Жаню, так что теперь они были на правах почетных гостей.

Шэнь Цинжань обезвредил еще несколько крупных очагов с горючим. Последним пунктом был постоянный двор. Не успели они подойти к дверям, как внутри с оглушительным ревом вспыхнуло пламя, языки которого взметнулись на три метра в высоту.

Сюэ Фэйфэн молниеносно подхватил Шэнь Цинжаня на руки и вынес его из зоны поражения. Движение было таким резким, что длинные черные волосы Шэнь Цинжаня взметнулись в воздух, и кончики прядей всё же успело лизнуть пламя.

Солдаты отчаянно заливали огонь водой. Опустошив несколько огромных чанов, они всё же смогли сбить пламя. Тем временем Чан Бай уже поймал поджигателя на заднем дворе.

Большинство тех, кому было поручено устроить пожар, увидев Шань Вэньяо в кандалах, трусили и отказались выполнять приказ. И только этот тощий, смуглый парень, напрочь лишенный гибкости мышления, проспал весь день на постоянном дворе, пропустил громогласные объявления Сюэ Фэйфэна, а как только стемнело, пошел и поджег масло.

— Увести, — скомандовал Сюэ Фэйфэн, опуская Шэнь Цинжаня на землю и внимательно осматривая его, не задело ли огнем.

— Ничего страшного. — Сюэ Фэйфэн заметил обгоревшие кончики волос, но, глазом не моргнув, солгал: — Пойдем, нам пора выезжать из города.

Сюэ Фэйфэн опасался, что в городе могли остаться и другие фанатики. Вдруг опять где-нибудь полыхнет? Это же наверняка испортит Шэнь Цинжаню сон. Он уже заметил, как тот зевнул раз восемнадцать.

До носа Шэнь Цинжана донесся резкий запах паленых перьев. Заподозрив неладное, он попытался перекинуть волосы на грудь, чтобы рассмотреть, но Сюэ Фэйфэн крепко прижал их к его спине, не давая пошевелить.

— Совсем чуть-чуть подпалило, — Сюэ Фэйфэн показал зазор в полпальца. — Потом просто подравняем кончики, и всё.

Шэнь Цинжань с недоверием посмотрел на него:

— Дай посмотреть.

Неужели он превратился в черную ворону с подпаленными перьями?!

Сюэ Фэйфэну пришлось отпустить.

Увидев свои неровные, обгоревшие пряди, Шэнь Цинжань пришел в ужас. Его длинные, гладкие, как шелк, волосы превратились в жесткие, колючие кудряшки, которые еще и жутко воняли. Если это срезать, то волосы станут короче как минимум сантиметров на пятнадцать!

Шэнь Цинжань не был фанатом длинных волос, короткие стрижки в современном мире ему тоже нравились. Но тут был вопрос принципа: нужно соответствовать эстетике эпохи!

Он жалобно, чуть не плача, уставился на Сюэ Фэйфэна своими мягкими миндалевидными глазами.

— И не надейся, — Сюэ Фэйфэн с первого взгляда понял, что затеял этот хитрый лис. Он отвел взгляд, чтобы не поддаться жалости, схватил Шэнь Цинжана за руку и потащил в сторону городских ворот.

Шэнь Цинжань с тоской поглаживал свои волосы.

Неужели и правда нельзя отложить свадьбу?

Я же буду выглядеть совсем не стильно!

Сюэ Фэйфэн присел, закинул его к себе на спину и тоном, не терпящим возражений, отрезал:

— Исключено.

Линь Шунь, вступивший в сговор с Шань Вэньяо, был человеком Чжан Хуайпу. Уважая старого друга, Сюэ Фэйфэн не стал казнить предателя. Он лишь приказал переломать ему ноги и отправил гонца к Чжан Хуайпу: пусть сам решает судьбу своего подчиненного. Впрочем, Линь Шунь, искусанный ядовитыми муравьями, и так дышал на ладан, а теперь и вовсе превратился в полного инвалида.

Следы от пальцев на шее Шэнь Цинжана всё еще багровели, и чем темнее они становились, тем сильнее в Сюэ Фэйфэне разгоралась жажда убийства. А теперь к списку обид добавились

еще и сожженные волосы.

Шань Вэньяо Сюэ Фэйфэн весьма предусмотрительно оставил на растерзание императору. Старый правитель, всю жизнь проживший в роскоши и не знавший лишений, за те дни, что провел в плену у Шань Вэньяо, испытал глубочайшее унижение.

Исход был предрешен: весь род Шань Вэньяо, включая саму императрицу, был приговорен к казни вплоть до девятого колена.

Шань Вэньяо угрожал убивать по одному сановнику в день. Все чиновники жили в постоянном страхе, не зная, чья голова слетит с плеч следующей. Внезапное спасение Сюэ Фэйфэном вызвало у них слезы благодарности. Они в едином порыве бросились перед ним на колени, каясь в своих грехах.

Быть министром и при этом проявлять такую вопиющую некомпетентность — это само по себе преступление.

Сюэ Фэйфэн торопился вернуться в столицу и совершенно не горел желанием тащить за собой эту свору бесполезных трусов:

— Прошло уже много лет с тех пор, как я видел почтенных министров, и, признаться, многих из вас я уже не помню. Чтобы избежать проникновения изменников и смутьянов в старую столицу, мне необходимо убедиться, что те, кто будет сопровождать моего отца-императора, — это преданные слуги государства, заботящиеся о благе народа. Я верю, что вы все — опора империи. Прошу вас остаться в новой столице и написать подробный отчет о ваших деяниях. Через полмесяца отправьте эти отчеты в старую столицу. Когда мой отец-император проверит их и подтвердит вашу честность, мы с почестями пригласим вас вернуться.

Чиновники в ужасе переглядывались, их лица побледнели. Они и представить не могли, что Сюэ Фэйфэн вот так просто откажется признавать их статус!

Отчет о деяниях?

И что им туда писать? Как они упивались роскошью и соревновались в лести? Все их реальные заслуги остались в далеком прошлом, более десяти лет назад, когда они только начинали свой путь при дворе. Кто из них не был когда-то полон высоких стремлений? Но богатство и власть развращают слишком быстро, и теперь, оглядываясь назад, они видели лишь пустоту.

Пока Сюэ Фэйфэн выносил свой вердикт, старый император молча сидел в стороне. Лишения последних дней окончательно подорвали его здоровье, изрядно потрепанное вином и излишествами. Он словно постарел лет на десять.

Услышав слова сына, он лишь равнодушно поднял глаза.

Министры оказались трусами, императрица — предательницей, командующий Шестью округами — мятежником. Как ни крути, а положиться можно было только на этого сына, которого он не видел больше десяти лет.

Он перевел взгляд на молодого человека рядом с Сюэ Фэйфэном. Говорили, что это его «супруга». И солдаты в лагере почитали его больше, чем самого императора.

Что ж, пусть так. В конце концов, у него еще есть Цзиньфэн. Императорский род не прервется.

Сюэ Фэйфэн, наклонившись к Шэнь Цинжаню, тихо произнес:

— Хотя я и был категорически против того, чтобы ты лез в это пекло в роли шпиона, но надо признать очевидное: и я, и мои воины в огромном долгу перед тобой. Спасибо.

Появление Шэнь Цинжана предотвратило бессмысленные жертвы. Если бы в критический момент Шань Вэньяо взял императора в заложники и потребовал отступления, война бы так быстро не закончилась.

Шэнь Цинжань предложил:

— Мог бы и ограничиться последним предложением.

Сюэ Фэйфэн сжал его щеку:

— А ну-ка, вникай в суть того, что я сказал в начале!

Он только что получил письмо от Чан Мина и узнал, как именно Шэнь Цинжань умудрился повернуть свой побег. Эта новость вызвала в нем бурю смешанных чувств: он злился на его безрассудство, но в то же время не мог не восхищаться его хитростью. Злость уже улеглась, да и Шэнь Цинжань сполна хлебнул горя за свою авантюру. Что тут еще скажешь?

— Чтобы больше таких фокусов не было.

— Хорошо, — легко согласился Шэнь Цинжань.

Среди кандидатов, сдававших экзамены, он заметил одного юношу, чей профиль немного напоминал его собственный. Звали его Линь Дуань.

Удивительно, но этот книголюб оказался не из тех, кто слепо заучивает трактаты. Получив экзаменационный лист, он оказался единственным, кто первым делом взялся за дополнительные вопросы по точным наукам, составленные Шэнь Цинжанем. Линь Дуань настолько увлекся решением этих задач, погрузившись в глубокие раздумья, что основную часть экзамена просто сдал пустой!

У Шэнь Цинжана тут же созрел план. Если молодой человек проявляет такой живой интерес к науке и инновациям, ему просто необходимо дать шанс прикоснуться к высоким технологиям! Шэнь Цинжань запросил у Системы сложные чертежи и передал их Линь Дуаню для изучения. Затем он объявил братьям Чан, что работает над новым грандиозным изобретением, и строго-настрого запретил его беспокоить.

На следующий день Шэнь Цинжань весь день тихо сидел в комнате и рисовал чертежи. А потом тайно провел Линь Дуаня внутрь под видом евнуха, принесшего еду, и они поменялись ролями. Линь Дуань, послушно выполняя указания, заперся в комнате и погрузился в изучение чертежей, каждые несколько часов просовывая в щель окна готовые расчеты. Всё это время из комнаты доносился голос Шэнь Цинжана — это была запись с диктофона, который Шэнь Цинжань хитростью выманил у Системы, потратив один купон на обмен сельскохозяйственной техники. Эта уловка успешно дурачила Чан Чань целых три дня!

Система, разумеется, поначалу сопротивлялась, трижды с нажимом повторив, что она — Селекционная Станция, а не интернет-магазин!

Но Шэнь Цинжань, как всегда, был неистощим на выдумки: «Я слышал, что некоторые

фермеры используют диктофоны, чтобы транслировать определенные звуковые частоты для отпугивания насекомых и защиты урожая. Разве диктофон — это не сельскохозяйственная техника? Не будь такой узколобой! Давай, выдавай скорее, и не забудь загрузить пару треков для отпугивания вредителей. И чтобы заряжался от солнечной батареи!»

Раз уж Система всё равно пошла на уступки, грех было не выжать из нее максимум функций.

В своих требованиях Шэнь Цинжань походил на заправского деревенского вымогателя.

Система: «Ладно. Но аппарат выдается только на сутки, а за каждый день просрочки — штраф в сто тысяч баллов!»

Линь Дуань оказался невероятно сообразительным и мигом освоил управление диктофоном. Как только Шэнь Цинжань убедился, что всё работает как часы, он тут же дал деру.

Пыль осела, и взошло новое солнце.

На следующий день Сюэ Фэйфэн во главе армии с триумфом вернулся в столицу.

Накануне вечером он лично подровнял Шэнь Цинжаню обгоревшие кончики волос. А чтобы тот не так сильно расстраивался, генерал, не дрогнув рукой, отрезал и себе прядь такой же длины. Он аккуратно уложил их вместе в изящную шкатулку.

— Связывая волосы, мы становимся супругами, — на голубом глазу плел небылицы Сюэ Фэйфэн. — В Великой Ци есть традиция: перед свадьбой жених и невеста срезают по пряди волос и связывают их красной нитью, освященной в храме Юэлао (Бога Брака). Это символ того, что их души сливаются воедино, и они будут вместе до самой старости, не разлучаясь ни на миг.

Уголки губ Шэнь Цинжана едва заметно дрогнули в улыбке. Ладно, так и быть, поверю, раз уж великий генерал так старался сочинить эту красивую сказку.

В день их возвращения в столицу был оглашен императорский указ: старый император отрекался от престола, передавая его Сюэ Фэйфэну, а сам получал титул Тайшан-хуана (Императора-Отца).

Сюэ Фэйфэн, всем сердцем сочувствуя тяготам народа, не желал истощать казну и обременять подданных. Он объявил о переносе пышной церемонии коронации на неопределенный срок. Всё должно было быть скромно и без излишеств. Новый император подавал личный пример, строго запретив любые проявления расточительства и коррупции при дворе.

Сюэ Цзиньфэн лишь презрительно фыркнул на эти заявления. Как же, не хочет он пышной церемонии! Да он просто торопится освободить время для собственной свадьбы!

Несколько дней назад Сюэ Цзиньфэна в приказном порядке назначили ответственным за подготовку к свадьбе брата. Забот оказалось столько, что он сбился с ног, и теперь у него напрочь отбило желание когда-либо жениться самому.

Несмотря на настойчивые уговоры Шэнь Цинжана обойтись без помпезности, Сюэ Фэйфэн настоял на проведении церемонии в императорском дворце, чтобы они могли вместе принять поздравления от всех высших сановников империи.

Сам обряд, по настоянию Шэнь Цинжана, был максимально упрощен. Однако свадебные

наряды, которые Сюэ Фэйфэн заказал загодя, поражали своей роскошью и великолепием. Облачившись в это многослойное чудо, Шэнь Цинжань почувствовал себя так, словно поправился разом на десять цзиней — можно сказать, что генерал таким хитрым способом всё-таки добился своей цели по откорму «жены».

— Сюэ Фэйфэн и впрямь коварен, — пробормотал Шэнь Цинжань, поправляя тяжелые одежды. И тут его осенило. Он мысленно обратился к Системе: — Послушай, а ведь мы с тобой вроде как коллеги? Раз уж у меня свадьба, не хочешь ли ты подарить мне свадебный подарок?

Пары миллионов баллов было бы вполне достаточно, он не жадный!

Система: «...»

Система: «...»

Жадная Система зависла, имитируя критический сбой.

Шэнь Цинжань находился в покоях, где традиционно жили императрицы Великой Ци. Роскошь здесь была ослепительной. Он не привык, чтобы его одевал кто-то, кроме Сюэ Фэйфэна, поэтому выводил всех служанок и теперь возился с нарядом в одиночку.

Бросив взгляд на туалетный столик, усыпанный переливающимися драгоценностями, он нахмурился. И зачем он заставил меня надеть эти золотые браслеты?!

Шэнь Цинжань уже трижды обмотал правое запястье массивной золотой цепью и всерьез начал подозревать, что Сюэ Фэйфэн решил использовать эти украшения как кандалы, чтобы он не сбежал с церемонии.

Он постучал себя по лбу. Ладно, потерплю. Всего один раз.

Но украшения оказались невыносимо тяжелыми.

Вдруг у него зачесалась щека. Шэнь Цинжань потянулся почесать её и почувствовал, что запястье тоже зудит, причем так сильно, словно оно опухло.

— Что за черт! — Шэнь Цинжань подбежал к зеркалу и едва не закричал от ужаса. Его лицо распухло и пошло красными пятнами!

В самый важный день в своей жизни он превратился в Свинку Пеппу!

Система тут же подала голос: «Внимание: обнаружена острая аллергическая реакция на золото».

Прежний владелец этого тела был беден как церковная мышь, а когда у Шэнь Цинжаня завелись деньги, он не страдал страстью к перебиранию золотых слитков. Вот и вышло, что это тело отродясь не контактировало с чистым золотом, и никто даже не подозревал о наличии такой экзотической аллергии.

Шэнь Цинжань в панике начал срывать с себя золотые браслеты и ожерелья. Но аллергическая реакция уже была запущена: лицо краснело всё сильнее, покрываясь багровыми, зудящими волдырями.

Вдали зазвучали торжественные колокола — приближался час церемонии. Шэнь Цинжань расплакался от отчаяния. Ну почему именно сегодня?! Я выгляжу совсем не круто!

Сюэ Фэйфэн был невероятно хорош собой — настоящий первый красавец Поднебесной! В главном зале собралась толпа знатных девиц, которые только и мечтали, что обратить на себя его внимание. Если Шэнь Цинжань появится рядом с ним в таком чудовищном виде, завтра число поклонниц генерала возрастет в десятки раз!

Это катастрофа!

Он бросился к окну и через тонкую шелковую занавеску крикнул Чан Мину:

— Передай Сюэ Фэйфэну, что я сегодня не хочу жениться!

Это был его первый официальный выход в свет перед всеми министрами империи, и он категорически отказывался предстать перед ними в образе свиньи А-Хуа весом в двести цзиней!

— А?! Госпожа, вы... вы это серьезно? — Чан Мин начал заикаться. Разве можно вот так просто передумать в день свадьбы?! И это с самим императором! Да он же в гневе разнесет тут всё!

Хотя... госпожа-то его гнева точно может не бояться.

— Абсолютно серьезно. Так ему и передай: я сейчас выгляжу слегка не в форме, людям на глаза лучше не показываться. Пусть Сюэ Фэйфэн идет к чиновникам один. В конце концов, нигде не сказано, что на свадьбе обязательно должны присутствовать двое!

Чан Мину пришлось стиснуть зубы и отправиться с этими словами к жениху.

Услышав это, Сюэ Фэйфэн не поверил своим ушам. Вены на его висках угрожающе вздулись:

— ...Что с ним опять стряслось?

Сбежать со свадьбы, где женихом выступает сам император?! Бывало ли такое в истории?!

— Сказал, что выглядит как-то не так и стесняется показаться на людях.

Неужели опять из-за тех подпаленных волос переживает?

Сюэ Фэйфэн изо всех сил подавил желание ворваться в покои императрицы и вытащить Шэнь Цинжаня силой:

— Чан Чань, живо принеси мне красный свадебный платок!

Изначально он планировал, что они оба просто наденут нефритовые венцы. Они оба мужчины, к чему им женские фениксовые короны и фата? Они должны были предстать перед двором в одинаковых красных императорских одеждах — как равные.

Но раз уж Шэнь Цинжань так капризничает... Что ж, отлично! Обычные невесты всегда прячут лица под фатой, так с какой стати он должен выставлять свою жену на всеобщее обозрение?!

Непредсказуемость Шэнь Цинжаня в очередной раз успешно разбудила в Сюэ Фэйфэне инстинкт собственника.

Тем временем Шэнь Цинжань, не находя себе места от зуда и тревоги, метался по комнате. Лицо горело огнем, тонкие запястья распухли до размеров пышных пампушек. Ему приходилось напрягать всю свою волю, чтобы не начать чесаться — иначе он точно опозорится

перед всеми сановниками.

Даже если Сюэ Фэйфэн сейчас придет за ним лично, он ни за что не выйдет из комнаты!

Какое же невезение! Его первая в жизни свадьба — и такой провал! Наверняка Сюэ Фэйфэн сейчас рвет и мечет. Точнее сказать, рвет и мечет сам император!

Но ведь он же сам заставил его надеть это проклятое золото! Шэнь Цинжань тут совершенно ни при чем!

— Динь! — внезапно прорезался в сознании механический голос Системы. — Предупреждение: обнаружена критически высокая концентрация паров усыпляющего зелья в воздухе. Рекомендуется принять срочные меры!

<http://bllate.org/book/17933/2131684>